

УДК 373

«ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ» как методическая универсалия...

Алексей Михайлович Кушнир,
кандидат психологических наук

Моим учителям посвящается...

«Метод параллельных текстов» — метафора, описывающая естественный, универсальный и массовый способ освоения чего бы то ни было. Текст всегда творится и существует в контексте. Мастер и подмастерье — это тоже параллельные тексты. Сравните: «мастер показывает вам, как делать стулья, вы идёте и делаете стул...» и «мастер делает стулья, а вы рядом — подали, подержали, изготовили одну деталь, другую...» В обоих случаях вы научитесь делать стулья. Но в первом ваш стул, скорее всего, никто не купит. Первый блин всегда комом... Во втором стул выйдет из рук мастера, его качество вне подозрений, а вы находитесь в контексте мастерства, а не урока, хозяйственной логики прибыли, а не логики будущей пользы.

Текст на иностранном языке, поданный в контексте перевода, выполненного мастером, это возможность понять его на уровне мастера здесь и сейчас. Это, по сути, не изучение английского, а чтение интересной книги. Держа в руках «параллельные тексты», можно заняться чтением, а не английским!

• текст • контент • чтение

Захотелось поделиться — в нашем издательстве вышла в свет учебная книга, которая является частью проекта EnglishUpSelf. Это глубоко личный для меня проект, поскольку

стартовал в далёкой юности, почти в детстве. Тогда у этого проекта ещё не было ни имени, ни плана, но, как оказалось, была некая предрешиённость...

Все мы родом из школы! Некоторые учителя остаются в памяти и сердце навсегда. Моя учительница немецкого Галина Ивановна Зленко из таких. Но помню её почему-то не как учителя, а как друга, взрослого друга... Мне, шестикласснику, тогда и в голову не приходило, что пойду на факультет иностранных языков и стану учителем немецкого.

В седьмом классе отца перевели из Поздеевки в Белогорск, и я стал учеником городской школы № 17. Здесь уже была другая учительница, Антонина Николаевна. Особого интереса к иностранному языку не было, но отношения с учителем были равные и уважительные. И всё-таки по немецкому выходила тройка... Это была единственная тройка, которая могла оказаться в аттестате, а в ту пору шла вселенская борьба за «средний балл». Это что-то вроде баллов по ЕГЭ. Но мне тройку не поставили, приняли во внимание мои заслуги в алгебре и на конкурсе «А ну-ка, парни».

Одноклассники уже все определились, кто куда поступает, я же изводил себя сомнениями. Особо ценным качеством казалась мне тогда некая универсальность, знание и умение всего и вся, готовность ко всему, с чем можно столкнуться в жизни. Как-то это было связано с предполагавшейся военной карьерой. К окончанию школы я был уже водитель-механик третьего класса, имел третий — четвёртый разряд по нескольким профессиям. Особенно мне нравилось токарное дело... И размышлял я о том, что незачем тратить время на предметы типа алгебры или истории, которые я легко могу освоить самостоятельно. Эта почти случившаяся тройка терзала и требовала реванша, и привела не куда-нибудь, а на факультет иностранных языков Благовещенского пединститута.

Чуть не вылетев после первой же сессии, я окончательно осознал горькую правду: к языкам не способен, и они меня не любят... И преподавателям я, наверное, казался если не идиотом, то бездельником. А между

тем зубрил и зубрил усердно, но безо всякого результата. Мои товарки по группе легко заучивали страницы, а мне и абзац не давался... Выезжал кое-как на понимании, интуиции и везении.

Бросить? Нет! Это не про нас...

Смириться с таким своим плачевным состоянием было, конечно же, невозможно! Дума думалась неустанно день и ночь... Мозг изворотливо искал виновных, подсказывал чьи-то ошибки в методиках. Но постепенно этот внутренний обличительный диалог на почве неуспеха и мальчишеского протеста вошёл в русло дотошного анализа и поиска решения. Я был уверен, что возможен другой путь освоения иностранного языка, опирающийся не на зубрёжку, а на что-то ещё. Нужен был какой-то толчок, случайная находка, догадка.

Сидим дома у кого-то из городских, цедим на пятерых бутылочку Алиготе за рубль шестьдесят пять. Перебираю на полке хозяйские книжки... Ба!?! «Три товарища» Ремарка на русском языке... Мы как раз работаем с этой книгой на занятиях под именем «домашка», препарлируем текст, анализируем языковые средства, доказываем преподавателю, что вдумчиво читали и переводили... Немецкий, пока ещё, так себе, анатомы-препараторы те ещё, обсуждение прочитанного, соответственно, то ещё! А тут такая удача. Ну, думаю, в институтской библиотеке должен же быть Ремарк на русском. Иду. И на тебе: студентам инфака ни Ремарка, ни Джерома К. Джерома на русском не выдают.

Не я первый, значит. *Per aspera ad astra...*, это у нас принципиально!

Не долго думая, попросил одноклассника с факультета физвоспитания взять для меня пару нужных книг, и началось... Зачитывался! Обе книжки перед глазами, читаю на немецком, проверяю себя на русском, а однажды заметил, что порой перевод мне не нравится, кажется не совсем точным, не вписывается в авторский ритм...

А весной, что называется, гром грянул! С третьего этажа общежития на тротуар свалился почтовый ящик, служивший студентам зимой холодильником. Прямо под ноги грохнул наземь, разбрасывая остатки зимней снеди. Испуг был нешуточный. С перепугу вырвалась гневная тирада... Да не на родном, русском, а на чужом, немецком языке. И не только ругнулся, а ещё мысленно сказал всё, что думаю, о дураках, которые привязывают ящики за окнами чем-нибудь типа ниток под номером 40, намазывая их на малюсенький гвоздик...

Эта спонтанная «немецкая» реакция меня сильно озадачила. Работа с «параллельными текстами» дала настолько мощный прорыв в понимании иностранного языка и накоплении лексики, что я периодами стал думать по-немецки. А то и сон приснится с баварским акцентом. По-прежнему оставались проблемными дисциплины, где главным методом успеха было заучивание наизусть, но в целом учёба стала налаживаться. Постепенно сложился алгоритм освоения иностранного языка, который к концу второго курса приобрёл формы вполне самостоятельного и оригинального метода обучения. Теперь уже было полное понимание того, почему язык все учат, но никто не знает, почему освоение языка идёт туго, медленно и трудоёмко, и как надо организовать учёбу, чтобы дело пошло.

Конечно, хотелось поделиться с профессионалами, услышать оценку своих методических конструкций, даже изменить что-то в обучении, но, увы, преподаватели моих «открытий» вежливо не оценили. Даже не пытались критиковать, скорее, иронизировали...

На третьем курсе — курсовая по методике. Давались проверенные временем темы и никакой самостоятельности... Я со своими тройками и изобретениями доверия не вызывал, а потому отличиться с собственной темой почти не было шансов. И всё-таки повезло! Преподаватель латинского, один из руководителей курсовых работ, Яков Вениаминович Генин, изучив мои выводы и ощущения, сказал: «А ты знаешь, раньше так изучали латынь... Почему бы и нет?» Так впервые, в 1978-м, мои студенческие методические мысли оформились письменно. В 1997 году в качестве отдельного выпуска журнала «Школьные технологии» вышла в свет небольшая книжка «Педагогика иностранного

языка», где эти мысли окончательно оформились в концептуально-технологическую модель обучения.

Мне, студенту, благодаря собственным затруднениям в освоении языка, удалось «поймать» эффективный алгоритм работы, но понять некоторые неметодические причины того, почему «все учат, но никто не знает», но новые методы при этом никому не нужны, довелось позже. Где-то в 1984-м, в московском дворике на улице Сивцев Вражек на скамеечку присел старичок погреться на солнышке. Знать бы мне, что это был действующий кандидат в члены ЦК КПСС, я б не оробел, но всё испортил бы своими прожектками. А так разговорились простецки. Он расспрашивал, чем занимаюсь в аспирантуре, какие есть идеи, мысли, планы и достижения... Я, конечно же, не утерпел и рассказал о своих методических изысканиях. Удивительно то, насколько ему, человеку далёкому от образования и иностранного языка, всё было интересно. Он задавал уточняющие вопросы, высказывал догадки и гипотезы. Это был, пожалуй, один из самых интересных и сведущих собеседников в моей жизни. А напоследок нашей беседы он рассказал мне случай, произошедший в его присутствии и имеющий отношение к теме.

В конце пятидесятых ЦК КПСС сформировал рабочую группу для выработки решений по поводу размещения на территории СССР станций РЭБ, а проще — «глушилок», предназначенных для подавления враждебных «голосов». Один из экспертов-инженеров, капитан-фронтник, в ходе совещания высказал абсурдную, на первый взгляд, мысль: «А как же глушить передачи на немецком, английском языках?» Вопрос вызвал смех, но председатель рабочей группы был не так прост... «Товарищ капитан! Проясните свой вопрос...». «У нас на фронте те, кто окончил среднюю школу, сразу становились переводчиками...», — ответил фронтник. Другие

присутствующие фронтовики согласно закивали и подтвердили массовость этого факта — и к проводам немецким подключались, и эфир слушали, и допросы вели... Бывало, что бойца с аттестатом пожизненно держали при штабе именно из-за немецкого. Выходит, школа давала и продолжает давать хороший уровень языковой подготовки... Настолько хороший, что «железный занавес» терял смысл.

Уже через пару недель боевой отряд партии, КГБ СССР, получил задание изменить методику преподавания таким образом, чтобы «все учили, но никто не знал» иностранный язык.

В кратчайшие сроки, под аккомпанемент постановлений «об улучшении дел» с иностранными языками в СССР, переводно-грамматический метод обучения был заменён на «условно-коммуникативный», в профессиональной прессе прошла волна дискредитации устаревшей методики, а на сцену, откуда ни возьмись, явились новые властители методических дум. Дальше — массированная переподготовка учителей иностранного языка. А ещё в считанные недели из библиотек исчезла неправильная методическая литература. Списали. С тех пор в СССР и в России язык учат ещё больше, но по-прежнему мало кто знает.

Таким образом, низкая эффективность обучения языкам в нашей стране является результатом спецоперации КГБ СССР. Эта служба, как видно, с задачей справилась настолько хорошо, что последствия этой спецоперации не преодолены по сей день. А профессиональное сообщество ни сном, ни духом, всё шлифует и шлифует свою условную коммуникацию. Это и понятно, работали профессионалы информационных диверсий высочайшего класса. А мне повезло. Такие встречи и откровения случаются очень редко.

Этого «старичка», кандидата в члены ЦК КПСС, звали Яков Иванович Кабков...

В последние годы в России широко распространились сетевые школы иностранных языков, работающие по «западным» лекалам. Но

и они не решили проблему эффективного обучения, поскольку принесли к нам всё тот же условно-коммуникативный метод, который хорош для Европы, но совершенно не пригоден у нас. Таким образом, низкая эффективность применяемых методов обучения остаётся нерешённой проблемой!

На самом деле у нас давно есть технология обучения, которая преодолевает наследие «железного занавеса» и даже некоторых успешных спецопераций и идёт дальше переводно-грамматического метода! Её эффективность превосходит известные практики вдвое-втрое, что даёт существенную экономию времени. Уникальность этой технологии, например, в том, что при её использовании не нужен преподаватель иностранного языка, она достаточно хороша и для учебного заведения, и для самообразования.

Зачем я рассказываю здесь эту свою, глубоко личную, историю? Чтобы показать, как дорог и важен мне этот проект?

Да, действительно, был найден простой и эффективный метод обучения. Уже работая преподавателем в пединституте, мне удалось апробировать некоторые технологические решения не на себе и убедиться в их беспрецедентной эффективности. Моеими испытуемыми были студенты факультета русского языка и литературы, а также строительного техникума. И я точно знаю, что разработанный ещё в 1970-х алгоритм учебной работы по-прежнему недостижим по эффективности для других систем обучения, будь они из самых первых рук Гарварда или Принстона. Но если решение такое эффективное, то отчего же его нигде нет?

Это и есть причина рассказать эту историю...

Это и есть то, что меня потрясает, возмущает и оскорбляет — наша тотальная, беспросветная, безысходная и системная инновационная тупость. Изобретателей у нас хватает, идей тоже, но вы посмот-

рите, с каким трудом эти изобретатели и эти идеи пробиваются в свет! Я другой такой страны не знаю... Стоит ли об этом говорить в педагогическом журнале? Не знаю! Иногда кажется, что надо не говорить, а орать, орать на всех углах... Стране, прежде всего образованию, нужны «системные инновационные лифты»!

Вспомните начало 1990-х! Ренессанс педагогического творчества и изобретательства. На деле — несколько лет творческого полёта! Думали, теперь это навсегда... Но взгляните на сегодняшнего директора школы. Полномочия, возможности и прочие «степени свободы» директора школы в СССР современному директору и не снились! Предложите ему инновацию, и он отпрыгнет от вас, как от чумного.

Впрочем, если та же инновация будет родом из каких-нибудь швейцарий, сингапуров и прочих америк, то welcome..., причём, что характерно,

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ

будут навязывать сверху, как это было с интерактивными досками... Что с нами? А может...

Может, выпекать без политизированных истерик и поиска диверсантов эти «методические пирожки», и практикой, методическими продуктами, делом обосновывать достоинства подхода. Ну, как бы нет нам дела до «особенностей национальной инновации» да «системной инновационной тупости». Наверное, это правильный и единственно возможный сегодня путь. Хватит уже задикиваться на «системных решениях» и уповать на «умных министров». Мало ли какие спецоперации у них на уме...

Итак, вышла в свет учебная книга. Выглядит она примерно так:

CHAPTER II Глава II

TREATS OF OLIVER TWIST'S GROWTH, EDUCATION, AND BOARD
повествует о том, как рос, воспитывался и как был вскормлен Оливер Твист

For the next eight or ten months, Oliver was the victim of a systematic course of treachery and deception. He was brought up by hand. The hungry and destitute situation of the infant orphan was duly reported by the workhouse authorities to the parish authorities. The parish authorities inquired with dignity of the workhouse authorities, whether there was no female then domiciled in 'the house' who was in a situation to impart to Oliver Twist, the consolation and nourishment of which he stood in need. The workhouse authorities replied with humility, that there was not.

Upon this, the parish authorities magnanimously and humanely resolved, that Oliver should be 'farmed,' or, in other words, that he should be dispatched to a branch-workhouse some three miles off, where twenty or thirty other juvenile offenders against the poor-laws, rolled about the floor all day, without the inconvenience of too much food or too much clothing, under the parental superintendence of an elderly female, who

received the culprits at and for the consideration of sevenpence-halfpenny per small head per week. Sevenpence-halfpenny's worth per week is a good round diet for a child; a great deal may be got for sevenpence-halfpenny, quite enough to overload its stomach, and make it uncomfortable. The elderly female was a woman of wisdom and experience; she knew what was good for children; and she had a very accurate perception of what was good for herself. So, she appropriated the greater part of the weekly stipend to her own use, and consigned the rising parochial generation to even a shorter allowance than was originally provided for them. Thereby finding in the lowest depth a deeper still; and proving herself a very great experimental philosopher.

Everybody knows the story of another experimental philosopher who had a great theory about a horse being able to live without eating, and who demonstrated it so well, that he had got his own horse down to a straw a day, and would unquestionably have rendered him a very spirited and rampacious animal on nothing at all, if he had not died, four-and-twenty hours before he was to have had his first comfortable bait of air.

Unfortunately for, the experimental philosophy of the female to whose protecting care Oliver Twist was delivered over, a similar result usually attended the operation of her system; for at the very moment when the

CHAPTER III
Глава III

RELATES HOW OLIVER TWIST WAS VERY NEAR GETTING A
рассказывает о том, как Оливер Твист едва не поступил на место,

PLACE WHICH WOULD NOT HAVE BEEN A SINECURE
которое оказалось бы отнюдь не sinecuroy

For a week after the commission of the impious and profane offence
В течение недели после совершения кощунственного и позорного преступления
of asking for more, Oliver remained a close prisoner in the dark and
– просьбы о добавочной порции – Оливер сидел взаперти в темной и пустой комнате,
solitary room to which he had been consigned by the wisdom and mercy of
куда его заключили по мудрому и милосердному распоряжению совета.
the board. It appears, at first sight not unreasonable to suppose, that, if he
На первый взгляд как будто разумно предположить, что если бы он
had entertained a becoming feeling of respect for the prediction of the
отнесся с должным почтением к предсказанию джентльмена в белом жилете, то
gentleman in the white waistcoat, he would have established that sage
раз и навсегда подтвердил бы пророческий дар этого джентльмена, прикрепив
individual's prophetic character, once and for ever, by tying one end of his
один конец носового платка к крюку в стене и повесившись на другом его
pocket-handkerchief to a hook in the wall, and attaching himself to the
конце.
other. To the performance of this feat, however, there was one obstacle:
Однако для совершения этого подвига существовало одно препятствие, а
namely, that pocket-handkerchiefs being decided articles of luxury, had
именно: носовые платки, отнесенные к предметам роскоши, были на все грядущие века
been, for all future times and ages, removed from the noses of paupers by
отторгнуты от носов бедных людей по специальному приказу совета, собравшегося в
the express order of the board, in council assembled: solemnly given and
полном составе, – по приказу, который был скреплен подписями и печатью и
pronounced under their hands and seals. There was a still greater obstacle
торжественно оглашен. Еще более серьезным препятствием
in Oliver's youth and childishness. He only cried bitterly all day; and,
являлись юный возраст и ребяческий нрав Оливера. Он горько проплакал весь день, а когда

when the long, dismal night came on, spread his little hands before his eyes
настала длинная, унылая ночь, он заслонил руками глаза, чтобы не видеть тьмы, и,
to shut out the darkness, and crouching in the corner, tried to sleep: ever
забившись в угол, постарался уснуть. То и дело он просыпался, приподнимаясь и
and anon waking with a start and tremble, and drawing himself closer and
вздрагивая, и все теснее и теснее прижимался к стене, чувствуя, что холодная,
closer to the wall, as if to feel even its cold hard surface were a protection
твердая ее поверхность как бы служит ему защитой от одиночества во мраке, его
in the gloom and loneliness which surrounded him.
окружающем.

Let it not be supposed by the enemies of 'the system,' that, during
Да не подумают враги «системы», что во время своего одиночного
the period of his solitary incarceration, Oliver was denied the benefit of
заключения Оливер был лишен упражнений, необходимых для здоровья, лишен
exercise, the pleasure of society, or the advantages of religious consolation.
приличного общества и духовного утешения.
As for exercise, it was nice cold weather, and he was allowed to perform his
Что касается упражнений, то стояла чудесная холодная погода, и ему разрешалось каждое
ablutions every morning under the pump, in a stone yard, in the presence of
утро совершать обливание под насосом в обнесенном кирпичной стеной дворе, в
Mr. Bumble, who prevented his catching cold, and caused a tingling
присутствии мистера Бамбла, который заботился о том, чтобы он не простудился, и с
sensation to pervade his frame, by repeated applications of the cane. As for
помощью трости вызывал ощущение теплоты во всем его теле. Что
society, he was carried every other day into the hall where the boys dined,
касается общества, то каждые два дня его водили в зал, где обедали мальчики, и там
and there sociably flogged as a public warning and example. And so for from
и там разрешали утешать свой дух, слушая общую
секли при всех для примера и предостережения остальным. А для того
being denied the advantages of religious consolation, he was kicked into
чтобы не лишиться его духовного утешения, его выгоняли пинками каждый вечер в
the same apartment every evening at prayer-time, and there permitted to
час молитвы в тот же зал и там разрешали утешать свой дух, слушая общую
listen to, and console his mind with, a general supplication of the boys,
молитву мальчиков, содержащую специальное дополнение, внесенное по распоряжению
containing a special clause, therein inserted by authority of the board, in
совету; в этом дополнении они просили сделать их хорошими, добродетельными,
which they entreated to be made good, virtuous, contented, and obedient,
довольными и послушными и избавить от грехов и пороков Оливера Твиста: о
and to be guarded from the sins and vices of Oliver Twist: whom the
и быть охраняемым от грехов и пороков Оливера Твиста: о
последнем в молитве было отчетливо сказано, что он находится под особым

Инструкция к ней очень проста: читайте не торопясь, наслаждайтесь чтением, а когда непонятно, подглядывайте в подстрочный перевод. От книги к книге ваши навыки в английском неизбежно будут улучшаться.

Ваши успехи будут ещё более заметными, если воспользоваться нашей системой обучения в полном объёме. Как? Всё просто: свяжитесь с нами по редакционным адресам или телефонам. **НО**

«Parallel Texts» As A Methodical Universal...

Alex M. Kushnir, candidate of psychological Sciences

Abstract. A universal way of learning to read and learn a foreign language. Formed methodical universals.

Keywords: text, content, reading